

JEZYKOZNAWSTWO

JAKUB OLAS*

Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ. НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ – К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Интерес к паремиологии и паремиографии, вопросами которых занимаются учёные с разной интенсивностью уже несколько сотен лет, в последнее время возродился даже среди пользователей языка, не являющихся специалистами в области лингвистики и лингвокультурологии. Динамика роста частоты паремий в языке последнего двадцатилетия является полной негацией замечаний ученых о том, якобы паремии исчезали из языка по разным поводам – социолингвистическим изменениям основ, на которых традиционно возникали паремии на рубеже XIX и XX веков, потери актуальности содержания функционирующих раньше в языке паремий в связи с изменениями общественных нравов, убеждений, верований и этических норм общества. Д. Буттлер указывала также на внутриязыковые причины этого исчезания – наличие диалектизмов, архаических выражений, неясных для носителей языка в XX веке¹. Конечно, можно говорить о элиминации большой группы паремий XIX века, но среди них находились также такие примеры, к которым нельзя применить ни одного из вышеупомянутых критериев², что становится очередной головоломкой загадочного мира паремиологии.

---

* Jakub Olas – magister, Instytut Filologii Słowiańskiej, Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego, studia doktoranckie, II rok – językoznawstwo, opiekun naukowy: dr hab. Tomasz Szutkowski. Główne zainteresowania badawcze: paremiologia, lingwistyka komputerowa i przekładoznawstwo, e-mail: jakub.olas@gmail.com

1 Danuta Buttler, „Dlaczego zanikają przysłowia w dwudziestowiecznej polszczyźnie?”, *Poradnik Językowy* 5 (1989): 332–333.

2 *Ibidem*: 334.

Традиционные паремии получают новую жизнь в виде паремийных неологизмов. Исследования этого явления на славянской почве только что начались, а первый опыт его лексикографического отражения представлен в словаре Антипословицы русского народа³, авторами которого являются настоящие корифеи современной паремиологии – Х. Вальтер и В. М. Мокиенко. Термин антипословица, укреплен на славянской почве Харрим Вальтером и Валерием Мокиенко, был введен в научный обиход Вольфгангом Мидером для описания трансформированных единиц, используемых в материалах прессы Европы и США. Однако, этот термин является новым для лингвистики, и лишь немногие специализированные словари дают его дефиницию, хотя в русском языке мы встречаем наряду с узким понятием антипословица более широкие понятия антифраза, антикрылатая фраза, антикрылатое выражение, антиафоризм. Термин антипословица обозначает речевые образования весьма широкого круга – пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий⁴. Стоит подчеркнуть, что термин этот был оспорен в среде славистов, так как использование префикса анти- предполагает, что антипословица является антонимом пословицы, хотя у пословицы нет онтологически противоположного понятия⁵, а Б. Норман утверждает, что антипословицы анти- только потому, что они вторичны по отношению к исходным формам паремий, на основе которых они созданы⁶. Для того, чтобы избежать логического противоречия М. Алексеенко предложил употреблять термин паремийная трансформа, который кажется более соответствующим явлению, которое называет⁷. Несмотря на логические сомнения, многие паремиологи последовательно предпочитают употреблять термин антипословица по отношению к преобразованиям паремийных единиц разного типа. В настоящей работе термин паремийная трансформа употребляется наряду с термином паремийный неологизм, который указывает не только на вторичность рассматриваемых единиц, но и их новаторство.

В ряде лингвистических трудов отмечено, что трансформации идиом настолько частотны в речи, что практически являются они нормой их употребления. По наблюдениям А. Л. Кюрегян, это ещё в большей степени характерно для пословиц. В корпусе эмпирического материала, собранном А. Л. Кюрегян, в той или иной мере видоизмененные пословицы встречаются в текстах чаще,

3 Харри Вальтер, Валерий Мокиенко, *Антипословицы русского народа* (Санкт-Петербург: Нева, 2005).

4 Ольга Антонова, „Антипословицы как средство функциональной модификации медиакурса (на материале прессы Великобритании и США)”, *Вестник СамГУ* 3 (2010): 97.

5 Tomasz Szutkowski, *Współczesna paremiografia rosyjska i polska. Stan – problemy – perspektywy* (Szczecin: Volumina.pl, 2015), 349.

6 Борис Норман, цит. за: Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 349–350.

7 Михаил Алексеенко, цит. за: Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 350.

чем их исходные формы. Кюрегян объясняет такую ситуацию тем, что „канонические формы, выражающие всем известные банальности, малоинформативны, скучноваты и несут в себе оттенок нудной назидательности и педантичности; стремление избавиться от этого побуждает коммуникантов к языковой игре, привносящей оригинальность и остроумие в процесс общения. Кроме того, разнообразие идей, которые требуется выразить в тех или иных конкретных ситуациях, заставляет продуцентов речи „вливать новое вино в старые мехи“, приспособлявая общие мысли к частным обстоятельствам коммуникации”. Кюрегян пишет о провербиальном коде – одном из множества кодов, с помощью которых члены культурно-языкового коллектива высказывают свои мысли и общаются друг с другом, благодаря тому, что он известен всем носителям данной лингвокультуры. Автор неслучайно использует здесь термин код, потому что речь не идёт о совокупности всех застывших пословиц. Именно знание кода позволяет коммуникантам широко варьировать канонические формы пословиц, приспособлявая их к конкретным денотатным ситуациям⁸. Об эффекте узнавания любой трансформы пословицы, описываемом В. Мидером, вспоминали в предисловии к своему словарю антипословиц Х. Вальтер и В. Мокиенко. Эффект этот по их мнению является необходимым условием популярности и функционирования паремийного неологизма⁹.

Особенное влияние на динамику использования паремий в виде их трансформ оказались общественно-политические и технологические перемены последних 25 лет – демократизация стран бывшего восточного блока со всеми своими последствиями стала источником явлений неслыханных масштабов – размываются границы между высокой и разговорной речью, процесс генологической дезинтеграции стал видным на почве функциональных стилей (особенно публицистического стиля), углубились тенденции коллоквиализации и вулгаризации речи, а в XXI веке, когда доступ к глобальным формам якобы анонимной коммуникации стал для человека элементом повседневной жизни, разговорный стиль стал функционировать в письменной форме¹⁰. Все эти факторы оказали влияние на процесс возрождения паремии. Этот ренессанс паремии в ее новой форме можно рассматривать как элемент современного этапа развития русского языка, который часто называют эпохой карнавала. Термин карнавализация, введенный М. М. Бахтиным применительно к литературе, как нельзя более точно характеризует стиль современной русской, но и польской речи. В центре теории карнавала стоит идея об „инверсии двоичных противопоставлений”, т. е. переворачивании смысла бинарных оппозиций.

8 Амалия Кюрегян, „Окказиональная вариативность пословиц и некоторые закономерности их порождения”, *Вестник СамГУ* 5 (2007), 1: 25.

9 Вальтер, Мокиенко, *Антипословицы*, 4–9.

10 Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 348–349.

Под карнавализацией понималась „транспонировка карнавала на язык литературы”¹¹. Применительно к современному русскому языку – это реакция общества на глубочайший слом привычной жизни, смешение высокого и низкого, трагического и смешного, смысла и бессмыслицы, языкотворческая игра, стеб, желание развлечь себя и собеседника, проявить свое остроумие, „языковой вкус”, стремление выявить скрытые смыслы слова и показать их в необычном ракурсе¹². Ярким проявлением карнавализации стала игра с пословицей – единицей, которая считается довольно устойчивым символом языковой и народной традиций.

Следует отметить, что часть паремиологического фонда существует лишь в одной исходной эксплицитной форме, тем не менее, многие поговорки приобретают новые формы, так как являются они микрожанрами народного творчества, до эпохи Интернета чаще всего выступающими в живой разговорной речи, передаваемыми из уст в уста, что детерминировало более-менее сознательные и умышленные модификации используемых в них языковых средств¹³. Вопросом вариативности пословиц занималась Е. И. Селиверстова, которая утверждает, что существует несколько факторов, которые влияют на потенциал пословицы к генерированию альтернативных вариантов, позволяющих сохранить ее первичный смысл. Селиверстова считает, что своеобразным катализатором в этом случае могут быть некоторые логическо-синтаксические модели поговорок, а также подвергающиеся субституции образные компоненты, напр. *Работа [не волк (медведь), в лес] не убежит; Работа [не черт, в воду] не уйдет; Дело [не медведь, в лес] не уйдет; Дело [не голуби] – не разлетятся; Дело [не воробей] – не улетит; Дело [не сокол] – не улетит*. Все варианты используются в одном значении: работу можно отложить, хотя отличаются друг от друга лексическим составом и метафорическим образом. В некоторых поговорках изменяется лишь грамматическая форма одного из компонентов, в других компонент заменяется полностью синонимическим словом, в поговорках с бинарной структурой возможна замена одного из членов – в каждом варианте исходный смысл сохраняется – это семантическая стабильность, несмотря на формальную альтернацию компонентов возможна благодаря смысловой компактности и метафоричности¹⁴.

Однако, нельзя эту смысловую стабильность путать с однозначностью, потому что поговорка должна рассматриваться как знак ситуации, облада-

11 Михаил Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского* (Москва: Советская Россия, 1979), 141.

12 Людмила Степанова, „Гра і фразеологічна картина світу (на матеріалі російської і чеської мов)”, *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації* 2 (2012): 121–126.

13 Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 343.

14 Елена Селиверстова, цит. за: Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 343.

ющий неограниченными возможностями ситуативного употребления – это же своеобразная „полисемия” пословицы, которая снимается в конкретном контексте, как и при употреблении любого языкового знака с тем отличием, что, например, у многозначного слова число значений ограничено, а у пословицы – нет. Данное противопоставление („полисемия” пословицы – многозначность слова) требует уточнения, ведь, например, некоторые оценочные слова, употребляемые в конкретных актах речи, могут быть отнесены к такому же неограниченному количеству обозначаемых. Можно в таких случаях говорить о денотативной неопределенности слова или устойчивого сочетания, т. е. о неограниченном „разбросе” денотативной соотнесенности языковой единицы. Т. Никитина утверждает, что в данном случае, чтобы подчеркнуть семасиологический аспект проблемы, лучше использовать термин смысловый потенциал пословицы. Объяснением для объема смыслового потенциала и денотативного диапазона пословицы является „многоинтерпретируемость пословичного тропа” в значении возможности неоднозначной трактовки ее метафорического образа¹⁵. Этот подход убеждает нас в том, что пословица может пониматься как художественный микротекст и одновременно языковой знак иконического типа¹⁶. Никитина замечает, что при разработке паремий довольно редко говорится о их новых семантических нюансах, неизбежно появляющихся при адаптации языковых единиц к современным реалиям – древние народные изречения получают новые узуальные значения, пока не нашедшие отражения в современных словарях¹⁷. Пословицы требуют актуализации, но актуализируются не только значения, но и форма. Так понимаемая вариантность пословицы, а также ее известность среди носителей языка являются одними из основ процесса формирования паремийных неологизмов и проявляются в них особенно четко – если в случае традиционных форм пословиц мы можем заметить ее только в определенной ситуации, в конкретном контексте, в конкретном акте речи, то во многих трансформированных паремиях она закрепляется.

В. Мокиенко и Х. Вальтер заметили, что паремийные трансформы подчиняются тем же законам преобразования паремий, что и пословицы, давно вошедшие в литературный обиход, а их детализированная типология укладывается в ряд 8 потенциальных преобразований идиом и пословиц, описанных лексикографически для материала литературного русского языка: 1) стандартные преобразования; 2) структурные (структурно-семантические) преобразования; 3) трансформации, основанные на предварительном вычленении ключевого

---

15 Ibidem, 343.

16 Наталья Михайлова, „Антропонимическая паремия как объект реализации наивной картины мира в немецкой лингвокультуре”, *Научный журнал КубГАУ* 71 (2011): 693.

17 Татьяна Никитина, „Современное состояние семантики паремий: пословица”, в: *Język. Człowiek. Dyskurs*, red. Mirosława Hordy et al. (Szczecin: PRINT GROUP, 2007), 133–146.

компонента; 4) окказиональные единицы; 5) семантические трансформации; 6) образование окказиональных единиц по модели языковой единицы; 7) авторская паремия, основанная на использовании языковой паремии; 8) слово, окказионально образованное (переосмысленное) на основе паремии. На основе собранного материала В. Мокиенко и Х. Вальтер заметили, что одним из самых частотных видов трансформ являются замены компонентов, которые дают и форме, и семантике традиционной паремии другую смысловую проекцию¹⁸.

Целью настоящей работы является обращение внимания читателей именно на вопрос лексических источников паремийных трансформаций в польском и русском языках, созданных по принципу субституции отдельных компонентов, так как форма настоящей работы заставляет автора выбрать лишь небольшую репрезентативную группу паремийных неологизмов из огромного количества доступного материала.

Предметом анализа стали паремийные неологизмы, созданные на основе пяти пословиц, отмеченных в паремиологическом минимуме Г. Шпили¹⁹, а также их русские эквиваленты выбранные по критерию как можно наиболее полного сходства формы:

Польские пословицы	Русские эквиваленты
Baba z wozu, koniom lżej	Баба с возу – кобыле легче
Kuj żelazo póki gorące	Куй железо, пока горячо
Lepszy wróbel w garści niż gołąb na dachu	Лучше синица в руке, чем журавль в небе
Nie taki diabeł straszny jak go malują	Не так страшен черт, как его малюют
Niedaleko pada jabłko od jabłoni	Яблоко от яблони недалеко падает

Основным источником фактографического материала является польско- и русскоязычное Интернет-пространство. Эксерпция польскоязычного материала была проведена путём сплошной выборки с помощью поисковой системы Google. Русскоязычный материал был собран А. Резниковым в его словаре *Russian Anti-Proverbs of the 21st Century. A Sociolinguistic Dictionary*²⁰. Однако, А. Резников не включил в свой словарь пословиц Как постелешь, так и выпишься <поспишь> и Друзья познаются в беде, поэтому автор решил сделать эксцерпцию самостоятельно для этих двух примеров при помощи этих же методов, какие использовал при эксцерпции польскоязычного материала. Стоит подчеркнуть, что А. Резников не включил в свой словарь паремийных трансформ, являющихся результатом языковой игры пользователей Интернета,

18 Вальтер, Мокиенко, *Антипословицы*, 13.

19 Grzegorz Szpila, *Krótko o przysłowiu* (Kraków: Collegium Columbinum, 2003), 104–105.

20 Andrey Reznikov, *Russian Anti-Proverbs of the 21st Century. A Sociolinguistic Dictionary* (Burlington: Proverbium, 2012).

созданных ради развлечения, без определенного контекста. Этому принципу следовал также автор настоящей работы.

Собранный материал указывает на то, что пословицы могут содержать слова, которые являются своеобразными генераторами трансформ. Эти слова-генераторы заменяются другими лексемами чаще остальных компонентов паремий. Самое большое количество субститутов (56) в собранном материале относится к компоненту *diabeł* в пословице *Nie taki diabeł straszny jak go malują*: *diabeł* → *wilk, Chrome OS, szczur, Photoshop, kredyt, Eiger, chiński, gad, leasing, komornik, chłoniak, Iran, bobas, Duda, strych, Lech, krach, żłobek, Raków, konflikt, cholesterol, gluten, stres, remake, dentysta, tłuszcz, Chińczyk, gramofon, Excel, Linux, Francuz, Arab, Ajax, remont, fiskus, nastolatek, urolog, bloger, Twitter, powiat, Zakręt, poker, szpital, metal, gender, róż, telemarketing, Nergal, PIT, bulterier, pitbull, duplikat, ateista, ZUS, bank, VAT*. Русский эквивалент черт (Не так страшен черт, как его малюют) генерирует лишь 6 трансформ: черт → грипп, штраф, кризис, счетчик, Дойч, бакалавр, что может быть связано с более низкой популярностью этой пословицы среди носителей русского языка. Кстати, паремийные неологизмы созданные на основе этой пословицы могут свидетельствовать о ее полисемии. Компоненты *diabeł* и черт заменяются словами, которые можно отнести к двум группам – ‘что-то вызывающее страх’ (польск. *wilk, szczur, gad, dentysta, bulterier, pitbull, szpital...* рус. грипп, кризис) и ‘что-то сложное’ (польск. *Photoshop, Excel, Linux, PIT, VAT, poker, chiński, remont...* рус. дойч, бакалавр). Можно тут легко заметить, что субституты входят в ассоциативные сети со словом-генератором. Это явление соответствует механизму вариантности, описываемому Е. Селиверстовой, уже упомянутому в настоящей работе.

Продуктивность пословицы *Nie taki diabeł straszny...* может быть связана с тем, что у слова *diabeł* сильные конотации. Слова с сильными конотациями, в общем, являются очень продуктивными генераторами трансформ – среди русских примеров, самое большое число трансформ (12) генерирует пара баба – кобыле из пословицы Баба с возу – кобыле легче: баба – кобыле → чиновник – народу, хлам – автопрому, дети – таксисту, премьер – режиму, милевский – динамо, опель – сбербанку, льготников – правительству, Сара – Клуни, страховка – ипотека, учебники – родителям, CEO – компании, шестеро – Пхеньяну. Польский эквивалент интересен прежде всего поэтому, что в его трансформациях могут заменяться 3 элемента в разных комбинациях: *koniom* → *Polakom, historii, telewizji, Fedak, wołom, warzywom, baba* → *Tusk, Wróbel, szczury, turyści, grubas, radio, Lepper, zderzak, klient, starosta, wozu* → *motoru, rządu, Hondy, konia, chłopa, baba – wozu* → *chłop – traktora, noga – gazu, dżokej – konia*.

В пословицах, у которых бинарная структура и четкий метафорический образ, таких как вышеупомянутые *Baba z wozu...*/Баба с возу... в качестве слова-генератора может выступать больше, чем один компонент – в трансформах

пословицы *Lepszy wróbel w garści niż gołąb na dachu* заменяются один, два, три, а даже четыре компонента одновременно, при чем эффект узнавания сохраняется (*gołąb* → *skrzypek, pasztet, owczarek, muchomor, rodzina, kobieta, struś, Fulcrum, bocian, wróbel – gołąb* → *pieniądz – fundusz Pioneer, wróbel – gołąb – dachu* → *Wróbel – Żakowski – paradzie, wróbel – garści – gołąb – dachu* → *maluch – garaż – Opel – w telewizorze*).

У пословиц *Niedaleko pada jabłko od jabłoni* и Яблоко от яблони недалеко падает нет такой свободы – если субституции подчиняется один компонент из пары *jabłko – jabłoni* (яблоко – яблони), то и другой должен замениться субститутом (*jabłko – jabłoni* → *nostalgia – starości, Schmeichel – ojca, jabłoń – jabłka, GNAJT – GNATA, gameplay – rendera, diabeł – aniola, śliwka – śliwy, platak – kwiatka, „Call of Duty” – „Call of Duty”, gruszka – gruszkówki, Kopacz – Leppera, zakupoholizm – depresji, Scars On Broadway – SOAD, Borkowski – Lutczyna, choinka – Chanuki, reggae – punk-rocka, Gilowska – Kołodki, Ronaldinho – Ronaldo; яблоко – яблони* → Яблоко – власти, *Apple – apple’a, Евросторой – Флоры, дырка – бублика, брат – брата*). Можно это объяснить слабыми конотациями заменяемых компонентов пословицы.

Паремийные неологизмы могут создаваться также по принципу созвучия – *Kuj żelazo róki Gorbaczow* и КуЙ Железничар [название футбольного клуба], *poła горячо* являются четкими отражениями этого механизма, хотя нужно заметить, что субститут *Gorbaczow* – используется как метонимия, которая относится к изменениям в политике СССР.

Подводя итоги, одним из главных лексических источников паремиологической деривации является механизм субституции. Субституция возможна благодаря наличию компонентов-генераторов в пословице, у которых потенциал заменяться другими лексемами с сохранением эффекта узнавания. Чем сильнее у компонента-генератора конотации, тем больше трансформ он генерирует (однако, этот потенциал нужно оценивать учитывая распространенность пословицы среди носителей языка). Существуют пословицы, в которых субституции может подчиняться несколько компонентов одновременно в разных комбинациях, но есть примеры, которые стали бы бессмысленными, если заменить в них больше одного компонента и наоборот – для сохранения смысла нельзя заменить меньше, чем два компонента. Существует группа трансформ, которые были созданы по принципу созвучия компонента-генератора и субститута.

Перечисленные выше источники продуктивности пословиц не являются по мнению автора настоящей работы единственными, а их каталог нужно расширить путем исследований явления трансформации паремийных единиц. Для того, чтобы такие исследования были возможными, требуется подготовка соответствующего словаря антипословиц польского языка и внимательный анализ русскоязычного материала, собранного современными

паремиологами. Экспериментальный анализ, сделан автором настоящей работы, показывает, что выводы таких исследований могли бы быть интересны не только для паремиологов, но и для всех ученых, занимающихся, например, польской и русской языковыми картинами мира. Вопрос о том, почему некоторые пословицы генерируют огромное количество трансформ в то время, когда другие (подлежащие эффекту узнавания) не генерируют их практически вообще, пока остается без ответа.

Библиография

- Buttler, Danuta. „Dlaczego zanikają przysłowia w dwudziestowiecznej polszczyźnie?”. *Poradnik Językowy* 5 (1989): 332–337.
- Reznikov, Andrey. *Russian Anti-Proverbs of the 21st Century. A Sociolinguistic Dictionary*. Burlington: Proverbium, 2012.
- Szpila, Grzegorz. *Krótko o przysłowiu*. Kraków: Collegium Columbinum, 2003.
- Szutkowski, Tomasz. *Współczesna paremiografia rosyjska i polska. Stan – problemy – perspektywy*. Szczecin: Volumina.pl, 2015.
- Антонова, Ольга. „Антипословицы как средство функциональной модификации медиадискурса (на материале прессы Великобритании и США)”. *Вестник СамГУ* 3 (2010): 96–101.
- Бахтин, Михаил. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Советская Россия, 1979.
- Вальтер, Харри, Валерий Мокиенко. *Антипословицы русского народа*. Санкт-Петербург: Нева, 2005.
- Михайлова, Наталья. „Антропонимическая паремия как объект реализации наивной картины мира в немецкой лингвокультуре”. *Научный журнал КубГАУ* 71 (2011): 690–699.
- Никитина, Татьяна. „Современное состояние семантики паремий: пословица”. W: *Język. Człowiek. Dyskurs*, red. Mirosława Hordy, Walery Mokijenko, Harry Walter, 133–146. Szczecin: PRINT GROUP, 2007.
- Степанова, Людмила. „Гра і фразеологічна картина світу (на матеріалі російської і чеської мов)”. *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації* 2 (2012): 121–126.

LEXICAL SOURCES OF THE PAREMIOLOGICAL DERIVATION. BASED ON
THE DATA ON PAREMIOLOGICAL NEOLOGISMS IN THE MODERN RUSSIAN
AND POLISH LANGUAGES – FORMULATION OF THE PROBLEM

Abstract

Study of anti-proverbs in modern Russian and Polish languages showed that some traditional paremiological units generate large number of neologisms, whereas other well recognizable among Russian and Polish speakers generate hardly a few of them. This article is an attempt to formulate the problem of the sources of this disproportion. The author focuses on the lexical sources of the paremiological derivation paying special attention to the mechanism of substitution, trying to find a pattern which could explain the phenomenon of productivity imbalance between anti-proverb generators.

Keywords: anti-proverb, paremiological derivation, paremiological neologism, proverbial transform

LEKSYKALNE ŹRÓDŁA DERYWACJI PAREMIOLOGICZNEJ. NA MATERIALE
NEOLOGIZMÓW PAREMICZNYCH WE WSPÓŁCZESNYM JĘZYKU
ROSYJSKIM I POLSKIM – SFORMUŁOWANIE PROBLEMU

Abstrakt

Badania antyprzysłów współczesnego języka rosyjskiego i polskiego wykazują, że niektóre tradycyjne jednostki paremiczne generują relatywnie dużą liczbę neologizmów, podczas gdy inne, dobrze znane rodzimym użytkownikom zarówno języka rosyjskiego, jak i polskiego, generują ich zaledwie kilka. Niniejszy artykuł stanowi próbę sformułowania problemu źródeł tej dysproporcji. Autor skupia się na leksyecznych źródłach derywacji paremiologicznej, poświęcając szczególną uwagę mechanizmowi substytucji w poszukiwaniu wzoru, który mógłby wyjaśnić zjawisko zróżnicowania produktywności poszczególnych generatorów antyprzysłów.

Słowa kluczowe: antyprzysłowie, derywacja paremiczna, neologizm paremiczny, transformacja paremiczna